

Я.А. ВОЛКОВА
(Волгоград)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СКРЫТОЙ АГРЕССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Описываются результаты исследования языкового представления ситуаций скрытого деструктивного общения на материале русскоязычных художественных текстов. Уточняются понятия скрытой и пассивной агрессии, предлагается определение ситуации скрытого деструктивного общения. Анализируются различные формы реализации скрытой агрессии в коммуникации и их художественная репрезентация

Ключевые слова: деструктивное общение, ситуация скрытого деструктивного общения, ситуация пассивно-деструктивного общения, переориентированная агрессия, коммуникативное поведение

Проводимое нами исследование деструктивного типа общения предоставляет возможность построить несколько вариантов классификаций ситуаций данного общения: по признаку эмоции, доминирующей в процессе деструктивного общения (например, эмоция ярости / отвращения / презрения и т.п.); по набору категориальных эмоциональных ситуаций, представленных в ситуации агрессивного общения (оскорбление / обида и пр.). Такие классификации применимы для изучения художественной репрезентации деструктивного общения, однако в ситуациях реального общения они могут оказаться чрезмерно субъективными, т.к. не всегда можно категоризировать эмоцию по вербальным и невербальным ключам со стопроцентной точностью в реальной коммуникации. Наиболее удобной и универсальной для исследуемого типа общения в любом типе дискурса, на наш взгляд, является классификация по признаку доступности / недоступности агрессивных и деструктивных проявлений для объективного восприятия. Во-первых, она согласуется с известными дихотомиями агрессивного поведения человека (физическая – вербальная, активная – пассивная, прямая – косвенная агрессия) [8, с. 8]; во-вторых, возможно объективно фиксировать индикаторы вербальной агрессии и/или невербальные маркеры враждебности / агрессии, позволяющие отнести ситуацию к деструктивному общению [1, с. 30–50]. Таким образом, выделяются три основных типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также пассивно-деструктивного общения. Остановимся кратко на каждом типе.

К ситуациям открытого деструктивного общения относятся ситуации, непосредственно доступные для внешнего наблюдения через невербальные / вербальные ключи, мотивированные интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Мы относим сюда также ситуации прямой вербальной агрессии, имеющей намерение оскорбить, унижить, дискредитировать человека. Ситуации открытого деструктивного общения – это всегда коммуникативные конфликты с пиковым эмоциональным напряжением, психологический механизм которых связан со статусно-ролевой структурой поведения людей [7, с. 91].

Что касается ситуаций скрытого деструктивного общения, то установление статуса ситуаций представляется значительно более сложной задачей. Определение скрытой агрессии – одно из наиболее широких и расплывчатых в современной психологической науке. М.Е. Литвак понимает скрытую агрессию как поведение, «которое не осознается как агрессивное ни самим агрессором, ни его жертвой, вызывает эмоциональное напряжение, вначале неосознаваемое, приводящее впоследствии к болезням, асоциальному, а иногда и преступному поведению» [2, с. 101]. В современной психологии и конфликтологии выделен ряд признаков скрытой агрессии, к которым относятся, например, преподнесение фактов в искаженном виде, дискредитация объекта и его достижений, выражение ложного сочувствия, различного рода провокационные действия и высказывания и т.п. Предложение своих услуг партнеру, когда он этого не просил, чрезмерная опека детей, блокирующая их развитие, оберегание любимого ученика от сложной работы под предлогом заботы о нем и т.п. («избавительство»). Подбадривания типа «Не трусь!», «Возьми себя в руки!» (их истинный смысл – возвеличивание

самого говорящего). Казалось бы, безобидные реплики типа «Вы меня неправильно поняли», «Я с вами категорически не согласен», «Вам давно уже пора знать, что...». Перечисление своих, пусть даже истинных, заслуг и достижений в присутствии неудачника. Скрытая агрессия прячется за иронией, подшучиваниями и «дружеской» критикой [2, с. 101–102].

Перед тем, как проанализировать средства вербализации скрытого деструктивного поведения, необходимо во избежание путаницы развести в рамках данного исследования понятия скрытой и пассивной агрессии. Особое место в ряду ситуаций деструктивного общения занимают ситуации пассивно-деструктивного общения. В основе отнесения ситуации общения к пассивно-деструктивному подтипу лежит понятие пассивной агрессии. Несмотря на то, что словосочетание *пассивная агрессия* звучит как оксюморон, противореча самой семантике слова *агрессия*, оно широко распространено в современной психологии благодаря работам С. Вецлера [11] и М. Кантора [9]*. В психологии пассивными называют такие виды агрессии, которые не направлены непосредственно на объект, не нацелены на его прямое разрушение и выражаются в других видах деятельности [4, с. 122–123]. Пассивная агрессия чаще всего подсознательна, это скрытая форма манипулирования кем-либо ради достижения своих эмоциональных или инструментальных целей. Она характерна, прежде всего, для межличностной коммуникации, т.к. диагностируется в первую очередь в семейных отношениях, а также между коллегами [11]. Скотт Вецлер подробно описывает симптомы пассивной агрессии в межличностных отношениях, особо выделяя следующие:

1. Откладывание дел на потом, пока не станет слишком поздно. Данный признак часто встречается как на бытовом, так и на профессиональном уровне. Например, подчиненный берется за важное для начальника дело, но выполняет поручение медленно и/или из рук вон плохо. Уличить в преднамеренном причинении вреда бывает чрезвычайно трудно: пассивный агрессор никогда не признает вины, а наоборот, зачастую предстает в виде невинного свидетеля или жертвы. Иногда ему удается дать жертве почувствовать себя виноватым за то, что он / она плохо о них подумали. Если же жертва все-таки каким-то образом выражает свое недовольство, то именно на нее падают обвинения в агрессивности, жестокосердности и прочее.

2. Невыполнение обещаний, «забывание» о договоренностях, избегание эмоциональной близости.

3. Отрицание своей вины, перекладывание ее на других / на обстоятельства и т.п.

4. Нечеткое формулирование своего мнения, своей позиции; дезинформирование: пассивный агрессор непоследователен в своих суждениях, неясно выражает свои мысли, чувства, ожидая, что его партнер прочтет его мысли и поймет, что ему нужно. Если партнер не догадывается, то агрессор заставляет его испытывать чувство вины.

5. Отсутствие внимания к партнеру: пассивный агрессор будет постоянно делать небольшие неприятные вещи, такие как, например, опоздание к ужину или «забывание» дня рождения партнера. При этом он никогда не признает за собой злого умысла, а зачастую использует приемы газлайтинга (*gaslighting*) – особого вида тонкого психологического насилия, цель которого – посеять у другого человека сомнения в реальности происходящего и собственном восприятии реальности. Агрессор пытается убедить жертву в том, что она заблуждается в мыслях и чувствах о нем и о себе самой, слишком бурно на все реагирует, что негативные эмоции вызваны усталостью, магнитными бурями, непониманием его добрых намерений, скрытым психическим расстройством и т.п.

6. «Наказание» партнера молчанием [Ibid.].

Необходимо отметить, что в рассмотренных работах по пассивной агрессии не всегда прослеживается четкая грань между скрытой и пассивной агрессией. По сути дела, под понятия скрытой и пассивной агрессии попадают все ее не прямые формы, а различные авторы разводят рассматриваемые понятия по разным критериям (см. Р. Бэрн, Д. Ричардсон, 1997; В.П. Колосов, 1996;

*Впервые сам термин был введен американским военным психологом полковником Уильямом Меннингером во время Второй мировой войны. У. Меннингер заметил, что некоторые солдаты бунтуют открыто, но есть и такие, которые уходят в себя, игнорируют приказы и дезертируют, т.е. проявляют «пассивную агрессию».

М. Е. Литвак, 1996; А. Налчаджян, 2007; S. Wetzler, 1993 и др.). Такая путаница объясняется в первую очередь трудностью поставленной задачи и многообразием проявления не прямых форм агрессии и деструктивности. Поэтому для целей настоящего исследования считаем необходимым понимать под скрытым деструктивным общением такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением мы понимаем способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии [1, с. 57].

Одним из вышеупомянутых вариантов ситуаций скрытого деструктивного общения являются ситуации переориентированной или замещающей агрессии. Суть переориентированной агрессии заключается в том, что объект агрессивного действия заменяется другим (более безопасным или доступным) объектом. Механизмы данного явления изучались и изучаются в этологии (на примерах поведения животных), в социальной психологии, исследуются также факторы, определяющие выбор «козла отпущения» в тех случаях, когда речь идет об одушевленном объекте переноса агрессии. Основным фактором при этом становится оценка способности потенциального «козла отпущения» к возмездию: на эту роль выбираются или слабые и беззащитные люди, или же те, с которыми повторные встречи маловероятны [4, с. 134–141]. Согласно К. Лоренцу, переориентация агрессии является результатом взаимодействия между агрессивностью субъекта агрессии и тормозящим механизмом объекта агрессии: «Человек, рассердившийся на другого, скорее ударит кулаком по столу, чем того по лицу, – как раз потому, что такое действие тормозится определенными запретами, а ярость требует выхода, как лава в вулкане» [3, с. 173]. Переориентированная агрессия такого рода (удар по столу вместо удара по лицу) тесно связана с понятием агрессивного катарсиса, основная идея которого состоит в том, что выплеск эмоции наружу ослабляет эту эмоцию «изнутри» и улучшает самочувствие субъекта эмоции. Переориентация агрессии как форма агрессивного поведения закреплена в ряде языковых единиц: *выместить зло – удовлетворить свою обиду, неудовольствие, причинив зло кому-н; сорвать злость / гнев на ком-либо / чем-либо – выместить, излить на ком-н. злое чувство; отвести душу – высказать все, что накопилось* Приведем примеры употребления данных языковых единиц: *С самого верха шла манера орать на подчиненных, и нередко Громыко возвращался из Кремля разгневанный и, получив там втык, в свою очередь срывал злость на том, кто попал под руку* (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. НКРЯ.); *К сожалению, бандиты, которые вас преследовали, не застав вас, выместили свою злость на женщине...* (В. Громов. Компромат для олигарха. НКРЯ.); *И отлично понимал, что ее и на свете-то нету, к сожалению, этой воображаемой морды, которую так часто хочется набить, чтобы отвести душу; можно только срывать обиды и злость на тех, кто послабее или беззащитнее тебя* (Ф. Кнорре. Орехов. НКРЯ.).

Синонимичными вышеуказанным языковым единицам являются просторечные выражения *оттянуться на ком-либо, оторваться на ком-либо*. Несмотря на то, что толковые словари не дают соответствующих толкований, контекст безошибочно указывает на то, что данными выражениями может обозначаться способ переориентации агрессии: *Позднее, в восьмидесятые, когда диаспора еще не была диаспорой, а только околачивала пороги ОВИРов, многие из тех, кому типа отказали в визе по фальшивому вызову, искали оттянуться на Шафаревиче* (В. Баранов. Малый народ как малый параметр. НКРЯ.); *Тетка наверняка не удовлетворена мужем, своими детьми (или не имеет своих, как истинный педагог советской формации), почему бы не оторваться на ребенке? (Сегодня в топе блогов история учительницы. НКРЯ.)*

Формально ситуации переориентированной агрессии обладают всеми признаками ситуаций открытого агрессивного общения, т.е. для «срывания злости» используются вербальные и невербальные средства выражения агрессивных состояний человека. Приведем примеры художественного описания

ситуаций переориентированной агрессии: *Только сейчас Никитин вернулся от командира полка после солидной головной боли и не знал, на ком сорвать злость. А начштаба сидит себе и крестики рисует; Никитин набросился на меня: «Тоже инженер называется... В газетах про вас, саперов, всякие чудеса пишут – то взорвали и то подорвали, а на деле что? Землянки начальству копают». Он встал, выругался и зашагал по блиндажу* (В. Некрасов. Рядовой Лютиков. НКРЯ.); *В прежние времена тут бы и лезть на рожон... Он даже зажмурился, скрипнув зубами. Нельзя!.. Он пошел к воротам и бешено ударил кулаком в калитку.* (А.Н. Толстой. Хожение по мукам.)

В данных примерах присутствуют описания невербальных проявлений агрессивных эмоций – бешенства и злобы. Эти проявления направлены как на одушевленный (рассказчик в первом случае), так и на неодушевленный (калитка во втором случае) объекты. Но во всех приведенных примерах факт агрессивной реакции (вербальной и невербальной) оказывается скрытым от реального фрустратора – желаемого объекта совершенных агрессивных действий, что позволяет нам отнести их к ситуациям скрытого агрессивного общения по содержательному компоненту.

Возникает вопрос, возможны ли контексты, в которых ситуации переориентированной агрессии могут быть классифицированы как ситуации открытого агрессивного общения? Вопрос этот решается положительно. В нашей картотеке есть примеры коммуникативных ситуаций, в которых агрессия по разным причинам переориентируется на другой объект в присутствии самого фрустратора, становясь, таким образом, доступной для его объективного восприятия.

– *Так как же ты, отец, фантастические события хочешь объяснить без фантастических гипотез?*

– *А про это ничего не знаю, – сказал Малянов. – Это у вас события фантастические. А вы, может, вторую неделю запоем пьете... У меня никаких фантастических событий не было. Я непьющий...*

Тут Вайнгартен налился кровью, ударил кулаком по столу и заорал, что Малянов, черт возьми, должен им верить, что если мы, черт возьми, друг другу не будем верить, тогда вообще все к черту пойдет! У этих гадов, может быть, весь расчет на то, что мы друг другу не будем верить, что мы с ними окажемся каждый сам по себе, и они будут из нас веревки вить как захотят!

Он так бешено орал и брызгался, что Малянов даже перепугался. (А и Б. Стругацкие. За миллион лет до конца света.)

В приведенном примере персонаж переориентирует свою агрессию на неодушевленный объект в присутствии партнера по общению, реплика которого, собственно, и вызвала столь бурную негативную реакцию. Это не влияет на формальные характеристики агрессивного действия, но полностью изменяет содержание коммуникативного акта: наряду с катарсическим эффектом в нем реализуется интенция угрозы. Психолог Д. Моррис выделял переориентированные жесты в отдельную группу эмоциональных жестов угрозы [10, с. 195–196]. Однако, несмотря на это, большинство ситуаций переориентированной агрессии представляет собой подтип ситуаций скрытого агрессивного общения, т.к., эксплицируя (вербально или невербально) агрессивные эмоциональные состояния личности, они скрывают эти состояния от истинного фрустратора, что соответствует психологии исследуемого явления.

Косвенными проявлениями деструктивности следует считать также злобные сплетни, злые шутки. Коммуникативная интенция такого рода проявлений очевидна — нанести психологический вред объекту и доставить психологическое удовольствие субъекту деструктивного воздействия.: *Она всех боялась, перед всеми унижалась и отводила душу, тираня сына или разводя по городу злые и глупые сплетни.* (М.П. Арцыбашев. У последней черты. НКРЯ.); *Это запоминали, раздували, наконец это попало в чьи-то мемуары, а через полвека из этого возникла гадкая, злая сплетня, преследующая «благородную цель» изобразить Гумилева не то низким завистником, не то человеком, ничего не понимающим в поэзии.* (А.А. Ахматова. Автобиографическая проза. НКРЯ.)

К ситуациям скрытого деструктивного общения следует также отнести коммуникативные ситуации вручения партнеру по общению неприятного подарка, который может иметь и некий дополнительный

символический характер. А. Налчаджян приводит пример из Геродота о вручении скифскими царями даров персидскому царю Дарию. Скифские цари отправили в дар Дарию птицу, мышшь, лягушку и пять стрел, что было истолковано следующим образом: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» [4, с. 120]. Невербальная угроза была истолкована правильно, и Дарий приказал своим войскам отступить. В современном обществе символические «агрессивные» подарки тоже встречаются. Например, в канун 2010 г. один французский фермер выпустил за 8,5 евро специальный экологически чистый подарок для врагов. В изящной деревянной коробочке, на которой изображена улыбающаяся корова, был упакован обычный коровий навоз. Подарок сопровождала надпись *fumier!*, что в переводе с французского означает и *навоз*, и *подонок*, и *негодяй* [6].

Подведем итоги. Психологические особенности проявления агрессии в коммуникации, фактор доступности агрессивных проявлений для объективного наблюдения, а также учет причинно-следственных связей между целями / задачами общения и стратегиями и тактиками поведения коммуникантов позволяет выделить три типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также ситуации пассивно-деструктивного общения. Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, включая такие вербальные формы, как злобные сплетни и злые шутки, а также принцип переориентации агрессии на другие объекты. Все вышеперечисленные проявления скрытой агрессии находят отражение в языковой системе и зафиксированы в художественных текстах. Подобно другим формам, скрытая агрессия направлена на реализацию генеральной когнитивной стратегии деструктивного общения — стратегии на психоэмоциональное «уничтожение» противника. Детальное изучение тактик скрытой агрессии можно отнести на перспективу исследования.

Литература

1. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : монограф. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.
2. Литвак М.Е. Психотерапевтические этюды. Учебное пособие. Ростов н/Д : Изд-во «Пайк», 1996.
3. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло); пер. с нем. М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
4. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб. : Питер, 2007.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под. ред. чл.-корр. АП СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1987.
6. Самый оскорбительный новогодний подарок [Электронный ресурс]. URL : <http://lady.mail.ru/article/112020-camyj-oskorbitelnyj-novogodnij-podarok/>
7. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004.
8. Buss A. Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. NY, London : Academic Press, 1971. P. 7–18.
9. Kantor M. Passive Aggression: A Guide for the Therapist, the Patient and the. Praeger Publishers, 2002.
10. Morris D. Manwatching: a Field Guide to Human Behavior. New York : Harry N. Abrams, Inc, 1977.
11. Wetzler S. Living with the Passive-Aggressive Man: Coping with Hidden Aggression. From the Bedroom to the Boardroom. Touchstone; Reprint edition, 1993.

Verbalization of hidden aggression in literary communication

The research results of linguistic representation of situations of hidden destructive communication in Russian literary texts are presented. The concepts of hidden and passive aggression are specified, the definition of the situation of hidden destructive communication is proposed. Various forms of realization of hidden aggression in communication as well as their literary representation are analyzed.

Key words: destructive communication, situation of hidden destructive communication, situation of passive destructive communication, redirected aggression, communicative behavior.